

КЛИКУШИ

Александр Механик

Эксперт № 3. 25-31 января 2010

Переписка семьи русских писателей с русским авантюристом и террористом демонстрирует удивительную наивность и безответственность тех, кто во многом владел умами российской интеллигенции перед великими испытаниями семнадцатого года.

В свое время большую роль в формировании новых представлений о дореволюционной России сыграл известный фильм Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли». В ленте возникал образ процветающей, динамичной и благой страны, которую погубила необъяснимым образом пришедшая к власти группа авантюристов.

Переписка Мережковских и Савинкова, начатая в 1908 году и законченная в 1923-м, являет нам образ совершенно другой России. По крайней мере, России «интеллигентской». Впечатление сумасшедшего дома, головы обитателей которого заняты мыслью о том, как этот дом поджечь. Дореволюционный Ленин и его партия на фоне этих персонажей смотрятся как общество благонамеренных граждан.

После убийства Александра II в 1881 году революционный террор в России пошел на убыль, чтобы с возникновением партии эсеров, провозгласившей себя наследницей народовольцев, возродиться в начале XX века. Одним из руководителей боевого ядра партии, организовавшей убийство министра внутренних дел Плеве, московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича, покушения на министра внутренних дел Дурново и на московского генерал-губернатора Дубасова, стал Борис Савинков, «генерал» террора, который сам при этом убийцей не был — посылал других. Савинков был арестован, ему вынесли смертный приговор, он бежал за границу, поселился во Франции, отошел от руководства террором, увлекся литературой.

Во Франции Савинков пишет романы о своей революционной деятельности, не порывая с партией. После Февральской революции он близок к Керенскому и Корнилову; после Октября выступает решительным противником Советской власти, организует несколько антисоветских мятежей.

В Гражданскую войну Борис Савинков снова попадает во Францию — с военной миссией одного из белогвардейских правительств. А в 1924 году нелегально приезжает в Советскую Россию, куда его заманивает — в ходе известной операции «Трест» — ОГПУ. Здесь его арестовывают и судят. На суде Савинков винится, признает Советскую власть, а спустя полгода — согласно советской версии — кончает в тюрьме жизнь самоубийством. (По другой версии — убит чекистами.)

Мы так подробно остановились на личности Савинкова, чтобы было ясно, насколько он был далек от круга Мережковских: Дмитрий Мережковский — основоположник символизма, поэт, писатель и философ; его жена Зинаида Гиппиус — поэт, литературный критик; еще один автор писем Савинкову — их близкий друг и соратник Дмитрий Философов, критик, публицист. С одной стороны террорист и циник, с другой — надменно-изысканные, не от мира сего витии.

Но как ни странно, этих столь разных людей объединяла ненависть к существующему строю, который, по мысли Мережковских, должен был исчезнуть на путях революционной борьбы, освященной «новым христианством», отрекшимся от идеи самодержавия и традиционного православия. В уставе своей Общины, которая, по их мысли, должна была стать основой этого «нового христианства», они написали: «Исторический путь к Богочеловечеству, к Царству Божию на земле — есть путь борьбы, восстания и восхождения. Поэтому святы революционные выступления народов, стремящихся к земной свободе...» А в Савинкове и в партии эсеров они увидели тех, кто способен воплотить этот путь. К слову, один из самых известных эсеров-террористов — убийца Великого князя Сергея Александровича Иван Каляев — был глубоко верующим человеком, который толковал свой поступок как жертву во искупление грехов самодержавия. В рецензии на роман Савинкова «Конь бледный», название которого было подсказано Мережковскими и увязывалось с Откровением

Иоанна Богослова — «... И вот конь бледный и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним...» — Мережковский писал: «Во всякой революции наступает такая решительная минута, когда кому-то кого-то надо расстрелять, и притом непременно с легким сердцем, как охотник подстреливает куропатку. А если возникает малейшее сомнение, то все к черту летит — революция не удалась». Читаешь эти строки, и мороз по коже: как же эти люди не понимали, что кличут на Россию.

И это было каким-то массовым умопомрачением. Так вся мыслящая Россия восхищалась тем же Каляевым.

Как замечает автор предисловия, даже непротивленец Лев Толстой фактически оправдывал террористов, когда в статье «Не могу молчать», обращенной к правящей элите, писал: «Дела их [революционеров] по количеству убийств и по мотивам едва ли не в сотни раз меньше и числом и, главное, менее нравственно дурны, чем ваши злодеяния».

И можно понять Ленина, когда уже после Октября, уязвленный отказом большей части интеллигенции поддержать большевиков, он недоумевал: ведь мы сделали то, что вы хотели, и теми методами, которые вы еще недавно оправдывали. Да и разве не повторял слова Мережковского Ленин, когда писал: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться»?

Конечно же, Мережковским не удалось «перевоспитать» Савинкова и других эсеров и записать их в свою церковь. Хотя после революции они увидели в нем человека, который освободит Россию от большевизма. Но когда он, добровольно или вынужденно, перешел к большевикам, вспомнили все его грехи, а может, и обиду за необращенность в «новое христианство», и отреклись от него. А смерть великого авантюриста подвела черту под этой странной дружбой.